

ЭДВАРД САИД

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, ИЛИ ОРИЕНТАЛИЗМ

№26 1997

ИЗ ВВЕДЕНИЯ К КНИГЕ

1.

Находясь в Бейруте, когда там была ужасная гражданская война 1975-1976 годов, французский журналист с сожалением писал об опустошении нижнего города, выражая свои эмоции языком Шатобриана и Нерваля. Он был прав, потому что был европейцем. Потому что Восток был европейским изобретением, и, начиная с античности, являлся местом романтических событий, экзотических существ, "замечательных" воспоминаний, переживаний и пейзажей. Теперь это исчезало. Возможно, ему казалось неважным, что сами восточные люди были поставлены на карту в этом процессе. Хотя ведь это именно они или их предки жили там во времена Шатобриана и Нерваля, а сейчас именно они среди тех, кто страдает... Главным для европейского посетителя было европейское изображение Востока и его нынешней судьбы, и то и другое имели привилегированное общее значение для журналиста и его французских читателей.

Американцы долгое время не чувствовали по отношению к Востоку то же самое, так как он для них скорее ассоциировался с Дальним Востоком (в основном, с Китаем и Японией). В отличие от американцев, французы и англичане - и в меньшей степени немцы, русские, испанцы, португальцы, итальянцы и швейцарцы - имели долгую традицию того, что я буду называть ориентализмом (востоковедением), особым способом отношения к Востоку, который основан на его особом положении в европейском западном опыте. Восточное - это не только соседнее с Европой; это также место наибольших, богатейших и старейших колоний Европы, источник ее цивилизаций и языков, ее культурный конкурент, и один из ее наиболее глубоких и чаще всего повторяющихся образов "ДРУГОГО". В добавление, Восток помог самоопределиваться Европе (или Западу), будучи ее контрастирующим образом, идеей, личностью, переживанием. И хотя ничто из этого Востока не является всего лишь и только лишь воображаемым, Восток остается составной частью европейской материальной цивилизации и культуры. Ориентализм выражает и представляет эту часть культурно и даже идеологически как способ рассуждения с поддерживающими институтами/учреждениями, словарным составом, научным сообществом, воображением, доктринами, даже колониальными бюрократиями и колониальными стилями.

Для читателя будет ясно (и станет еще яснее при чтении последующих страниц), что под ориентализмом я понимаю несколько вещей, и все они с моей точки зрения являются взаимозависимыми. Самое легко принимаемое обозначение ориентализма (востоковедения) - обозначение академическое. И действительно, этикетное восприятие Востока все еще доминирует в ряде академических учреждений. Каждый, кто преподает, пишет или читает о Востоке - а это подходит и для антрополога, социолога, историка или филолога - в его особенных или общих аспектах является востоковедом (ориенталистом), и то, что все эти специалисты делают - можно смело назвать ориентализмом (востоковедением). Анализируя исследования Востока или региональные исследования, понимаешь, что термин ориентализм/востоковедение все менее и менее предпочитается сегодняшними учеными и потому, что он слишком размытый и общий, и потому, что он напоминает о повелительном руководящем отношении к Востоку европейского колониализма девятнадцатого и начала двадцатого веков. Однако книги пишутся и конгрессы с "Востоком" как их главным фокусом проводятся, а ориенталист (востоковед) в его новом или старом обличье продолжает быть их главным авторитетом. Дело в том, что даже если ориентализм не выживает как раньше, он продолжает существовать академически - через доктрины и диссертации о Востоке и представителях Востока.

Связанное с этой академической традицией, чьи удачи, трансмиграции, специализации и передачи являются частично предметом этого исследования, имеет и более общее значение для ориентализма. Ориентализм - это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом разделении, сделанным между "Востоком" и (в большинстве случаев) "Западом". Так, огромная масса писателей, среди которых поэты, романисты, философы, политические теоретики, экономисты и имперские администраторы, приняла базисное разделение между Востоком и Западом как отправной пункт для сложных теорий, эпических поэм, романов, общественных описаний и политических анализов относительно Востока, его людей, "ума", судьбы и так далее. Такой ориентализм может поместить в себя, скажем, Эсхила и Виктора Гюго, Данте и Карла Маркса. Несколько ниже я рассмотрю некоторые методологические проблемы, с которыми сталкиваешься, когда имеется такое широко возделанное "поле" как это.

Взаимообмен между академическими и более или менее воображаемыми значениями ориентализма постоянен, и, начиная с восемнадцатого столетия, существует изрядное, достаточно дисциплинированное - возможно даже отрегулированное - движение между ними. Здесь я под-

хожу к третьему значению ориентализма, которое гораздо убедительней двух предыдущих типов значений определено исторически и материально. Беря конец восемнадцатого столетия как очень приблизительно установленную точку отсчета, можно обсуждать и анализировать ориентализм как корпоративный институт для занятий Востоком - занятий им с помощью утверждений о нем и устанавливания точек зрения на него, описаний его, преподавания его, заселения его, управления им: одним словом, ориентализм как западный стиль подчинения, перестраивания, и имения власти над Востоком. Я нашел полезным использовать здесь "понятие о рассуждении" Мишеля Фуко, как он описал его в "Археологии знания" и в "Дисциплинировать и наказывать", для идентификации ориентализма. Я утверждаю, что без изучения ориентализма как рассуждения невозможно понять необычайно систематическую дисциплину, посредством которой европейская культура могла распоряжаться - и даже производить - Восток политически, социологически, военно-идеологически, научно и образно в течение после-Просветительского периода. Более того, ориентализм (востоковедение) имел такое авторитетное положение, что, я полагаю, ничьи письменная работа, мышление или дела по поводу Востока не могли не принимать в расчет ограничения в мышлении или действии, наложенные ориентализмом. Одним словом, из-за ориентализма Восток не был (и не является) свободным субъектом мысли и действия. Это не означает, что ориентализм односторонне определяет то, что можно сказать о Востоке, но то, что эта целая сеть интересов, неизбежно накладывающаяся на (и поэтому всегда вовлеченная в) любое событие, когда особая целостность "Восток" находится под вопросом. Как так получается - и есть тема моей книги, т.е. то, что я попытаюсь вам продемонстрировать на ее страницах. Я также постараюсь показать, что европейская культура приобрела свою подлинную силу и идентичность посредством самооттенения от Востока как от какого-то суррогатного и даже подпольного себя.

Исторически и культурно присутствует как количественное так и качественное различие между французско-английским вовлечением в Восток и - до периода американского возвышения после второй мировой войны - вовлечением в него любой другой европейской и атлантической державы. Следовательно, говорить об ориентализме, значит, говорить в основном, но не исключительно, об английском и французском культурном предприятии, проекте, чьи измерения имеют такие ошеломляюще разбросанные области и смысловые пласты, как само воображение, а именно всю Индию и Ливан, Библийские тексты и Библийские земли, торговлю пряностями, колониальные армии и длинную традицию колониальных администраторов, грозный корпус ученых, бесчисленных "экспертов" по Востоку, востоковедческую профессию, сложную совокупность "восточных" идей ("восточный деспотизм", "восточный блеск, жесткость, чувственность"), многие восточные секты, "философии и мудрости", приспособленные для европейской пользы - список можно продолжать до бесконечности. Дело в том, что ориентализм происходит от особенной близости, испытанной между Англией, Францией и Востоком, который до начала девятнадцатого столетия в действительности означал только Индию и Библийские земли. С начала девятнадцатого столетия и до конца второй мировой войны на Востоке господствовали Франция и Англия; после второй мировой войны на Востоке господствовала уже Америка, обращавшаяся с ним так же, как это делали ранее Франция и Англия. Из этой близости, чья динамика необычайно продуктивна, даже если она всегда демонстрирует относительную большую силу Запада (английского, французского или американского), выходит большой корпус текстов, которые я называю ориенталистскими.

Сразу следует сказать, что обилие книг и авторов, которые я анализирую, лишь малая толика существующего в реальности объема. Мой главный аргумент зависит не от исчерпывающего каталога текстов, посвященных Востоку, и не от ясно размежеванного набора текстов, авторов и идей, которые все вместе образуют востоковедческий канон. Он зависит от методологической альтернативы, чьим позвоночником в некотором смысле является набор исторических обобщений, каковые мне хотелось бы теперь обсудить более подробно.

2

Я начал с допущения того, что Восток не является костным фактом природы. Он не просто где-то там, как, впрочем и сам Запад. Нам необходимо принять во внимание замечательное наблюдение Вико о том, что люди сами творят собственную историю, и то, что они могут знать - это то, что они сделали. Такие "местности", "области" или "географические секторы" как "Восток" и "Запад" созданы почти исключительно человеческим сознанием. Следовательно, так же как и Запад, Восток является идеей со своей историей и традицией мышления, образностью и словарным составом, которые дали ему реальность и присутствие в западной культуре. Две географические целостности таким образом поддерживают и до некоторой степени отражают друг друга.

Сказав это, необходимо обозначить ряд основательных ограничений. Во-первых, было бы неправильно заключить, что Восток был по существу идеей или творением без какой-либо соответствен-